

Ольга Амплева

Простые истории из второй
половины XX века

16+

Ольга Амплеева

**Простые истории из
второй половины XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Амплеева О.

Простые истории из второй половины XX века / О. Амплеева —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть о жизни людей из двух послевоенных поколений. Напоминает о
тогдашней, почти уже забытой жизни.

© Амплеева О., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Простые истории из второй половины XX века

Ольга Амплеева

Посвящается моим друзьям

Глава 1. История первая (пятидесятые годы). Из дневника Натальи Александровны

Сегодня странный день. Я вдруг решила описать свою молодость. Точнее, одно тогдашнее событие, которое, кажется, было единственно важным событием моей жизни.

Я сижу у стола и иногда смотрю в окно. Осень, конец сентября. Серый холодный день, но облака высоко и все пространство пронизано и просвечено яркой листвой деревьев.

Вчера я встретила одного человека. Он шел мне навстречу, держа руки в карманах, и смотрел под ноги. Я не решилась его окликнуть. За прошедшие годы я несколько раз с ним сталкивалась. Он школьный учитель, недавно развелся, у него еще маленькая, семилетняя, дочь.

Я посмотрела в зеркало, висящее слева. Мне под пятьдесят, но больше сорока никто не дает: я худощава, морщин мало, волосы стригу коротко и крашу в свой естественный, черный, цвет. Образ жизни, который веду последние семь лет после развода – довольно много романов, пошел мне на пользу. Я приобрела вид слегка стареющей, но до сих пор элегантной и привлекательной женщины. Можно подумать, что в молодости я была неотразима, а это совсем не так.

Почему именно эта встреча подвигла меня на жизнеописание – не знаю. Может, потому, что последние семь лет несколько отклонили меня от пути, который стал моей судьбой после нашего с ним разрыва.

Звонок в дверь. Это пришел мой сын. Он художник, учится в Полиграфическом, на отделении графики. Жизнь у него бьет ключом. Во многом, но не во всем я узнаю себя. А впрочем, мы приятели. С его отцом, который не так давно развелся и со своей второй женой, попортившей ему много крови, у него тоже прекрасные отношения.

Тот после развода снова целиком ушел в науку, но все-таки эта вторая любовь сделала его взрослым, чего не смог сделать наш с ним брак. Но об этом речь впереди. Итак, с чего начать? Начну с себя, с особенностей моего характера, с обстановки, окружавшей меня в детстве.

Мой отец был, как принято выражаться, старой закалки. Очень сведущий человек, ведущий инженер на закрытом предприятии, он постоянно занимался самообразованием: по математике, физике, другим естественным наукам. Литературу и искусство тоже уважал. Но относился к ним скорее как к приятному времяпрепровождению и особенно тонким вкусом не обладал. Я училась в хорошей московской школе, способности у меня были, и мне постоянно внушали мысль о дальнейшей ученой карьере, конечно же в области естественных наук.

Когда мне было тринадцать, началась война. Отца из-за важности его работы на фронт не взяли. В эвакуации он пробыл недолго, а мы с мамой там не были и прожили все это время в Москве. Война, хоть и коснулась нас не самым страшным образом, превратила мой жизне-радостный характер в весьма мрачный. К тому же строгие нравы времени и нашего семейства воспитали во мне почти полную неприступность. Я могла снизойти только до принца.

Ко времени окончания войны, а также десятого класса я была уже убежденным гумани-тарием. Так случилось, что я познакомилась с девочкой, отец которой был профессором фило-логии в университете. Она ввела меня в свой гуманитарный рафинированный круг. Первый год я была просто ошарашена открывшимся мне миром, заставившим меня страдать от отсут-ствия собственных мыслей, от моего интеллектуального неравенства всем этим умным людям. С отцом у меня происходили почти ежедневные стычки: наши взгляды стали диаметрально

противоположными во всем. Потом свои мысли у меня появились, но чувство, что в любой компании я самый серый и глупый человек, сохранялось еще очень долго.

После окончания школы я настояла на своем и поступила на исторический факультет, на отделение искусствоведения. Итак, я училась, времена становились менее голодными, народ слегка ожил. Я существовала крайне замкнуто, всех молодых людей отпугивал мой неприступный вид, и втайне я очень мучилась. Я все мечтала о ком-то, кто придет и поймет мою «сложную и прекрасную душу», полюбит ее и избавит меня от моего мрачного одиночества. Внешняя жизнь, хоть и была довольно сложной, меня мало затрагивала. К счастью, мой отец чудом не попал под репрессии, что было более чем вероятно для человека его положения, но наверняка мысли об этом его тяготили. А я была погружена в свой собственный, замкнутый и одинокий, мир. Очень меня мучило, что я не могу никого полюбить. И вот где-то в начале последнего курса я вдруг поняла, что влюбилась в однокурсника. Мы были знакомы давно. Он мне даже не нравился, но казалось, что между нами есть это самое «родство душ». Мы почти не разговаривали, но часто замечали нашу одинаковую реакцию на какие-то события. И вот я сама в страшной жажде любви настроила себя на любовь к нему, не понимая, что это такое. Я молила кого-то о любви – и мне она была дана.

Первые полгода после этого я только вздыхала и страдала, радовалась встречам на семинарах. Неожиданно у меня обнаружилась соперница, в лице моей приятельницы, – это тоже был удар. В конце зимы я решила, что всему конец, – когда случайно встретила его у нее в гостях. Долгое время после этого я с ним не виделась, так как у нас уже не было занятий – была дипломная работа. Но потом цепь поразительных случайностей, в которых я тогда уже увидела проявление какой-то высшей закономерности, привела к тому, что мы стали встречаться, в тогдашнем понимании этого слова, то есть проводить вместе время. Его ко мне тянуло: во мне бурлила какая-то внутренняя сила и, без ложной скромности, было много оригинального. К тому же я совсем не урод, хотя в то время моя женственность была почти незаметной из-за погруженности в себя. Но под воздействием любви она стала себя проявлять.

Сначала все шло неплохо, но он не делал решительных шагов. Слишком силен был мой порыв ему навстречу – это его пугало. Я же была абсолютно искренна и не понимала, что здесь нужно скрывать.

И вот тут я подхожу к событиям настолько тяжелым и значительным для меня, что мне трудно заставить себя их вспоминать. Ведь это значит снова погрузиться в мои переживания тех лет, а это нелегко. Но все-таки я попробую описать тогдашние события, поскольку они определили всю мою жизнь вплоть до сорока лет, и мне хочется во всем этом разобраться.

Итак, как-то поздним вечером я поднималась по лестнице в свою квартиру. Было начало июня. Я сдавала госэкзамены, а родители мои были в отпуске и жили на даче у наших хороших знакомых, в одном из немногочисленных восстановившихся подмосковных дачных поселков. Поднимаясь по лестнице, я прошла мимо девушки, сидевшей прямо на ступеньках. Она была очаровательна и одета по тому времени довольно эффектно, но не вульгарно. Пройдя мимо, я обернулась и еще раз посмотрела на нее. Она спокойно ответила на мой взгляд. Дома я вскипятила чайник и решила вынести помойное ведро, чтобы посмотреть, не ушла ли незнакомка. Но та по-прежнему сидела на лестнице. Возвращаясь, я не выдержала и спросила, все ли у нее в порядке.

– Спасибо, все в порядке, – ответила она спокойно, – просто сегодня негде ночевать.

Я постояла, пошла дальше, но около квартиры обернулась и быстро сбежала вниз.

– Пойдем ко мне. У меня сегодня можно переночевать.

Она удивленно посмотрела, подумала.

– Хорошо. Если я вас не обременю, то для меня это будет выходом.

– Нет, не обремените, – ответила я с готовностью. – Вы мне понравились.

– Благодарю, – сказала девушка, слегка усмехнувшись, и мы вошли в квартиру.

Когда пили чай, я узнала, что ее зовут Валерия, Лера. Она осталась без жилья (почему, не объяснила), а снять не может: последнее время не работала, и у нее нет денег. Когда найдет работу – снимет комнату.

Я уложила ее спать и решила, что, пока не снимет комнату, я оставляю ее у себя. Вот так Лера поселилась у меня. С тех пор вот уже более двадцати лет я вздрагиваю при этом имени.

Лера была удивительным существом. После дня, проведенного с ней, я уже в нее влюбилась. И это несмотря на мою дикую влюбленность в Гришу (его звали Гриша). Днем она где-то ходила – искала работу, а вечерами мы сидели на кухне. Как она пела! Более изумительного по красоте контральто я не слышала. А как играла на гитаре, а на фортепиано!

Я не описала ее внешность: это была блондинка с прекрасными белокурыми волосами, темно-синими глазами, ярким ртом. Более обаятельной улыбки и смеха я ни у кого не встречала. Другой Леры не существует. Невозможно было представить, что кто-то сможет устоять перед этим воплощенным обаянием.

Как-то утром она сказала, что сегодня вечером ее не будет, вернется очень поздно. После долгих расспросов она наконец сообщила, что устроилась петь в один из немногих имевшихся тогда ресторанов (не в самый лучший) и что фамилия ее Корецкая. Фамилия мне показалась знакомой, а потом я вспомнила афишу: «Исполнительница цыганских песен и романсов Валерия Корецкая».

Я очень удивилась, а еще больше удивилась месту ее работы. Тогда, немного подумав, она рассказала следующее: последние полгода у нее был любовник – музыкант в оркестре ресторана (одного из лучших в Москве). Она в том же ресторане пела. Как недавно выяснилось, директор ресторана проворачивал какие-то левые дела, в которые ее любовник был замешан. Директора арестовали, а ее музыкант пока прятался (она не знала где). В том ресторане она уже не могла выступать и оказалась без работы.

– Ты его очень любишь? – спросила я робко.

– Кого? А... совсем не люблю, разве что жалею. Он слабый, жалкий человек. Правда, довольно умный.

– Так зачем ты...

– А так. От одиночества. И он просил очень. Он меня любит, говорит, что не может без меня жить, – она странно усмехнулась.

– Тот, кого я любила, не любил меня.

Мы помолчали.

– Расскажи про него, если тебе это не очень больно.

– Ну что ж, – сказала она, помолчав, – могу.

Когда она начала рассказывать, я снова открыла рот от изумления. Валерия была родом из чинной профессорской, даже дворянской, семьи. Последнее очень чувствовалось: удивительное изящество фигуры, благородство рук – все это бросалось в глаза.

Отец Леры, профессор математики, чудом уцелел в предыдущую эпоху, может быть потому, что его работы имели важное практическое применение. Четыре года назад он умер от какого-то легочного заболевания, мать ее скончалась лет пятнадцать назад. Лера мне показывала свою фотокарточку времен девятого класса (она моя ровесница): красивое, но очень серьезное лицо, без этого теперешнего безумного обаяния. К десятому классу Лерино душевное состояние было близко к моему, но она была лишена моих комплексов, была красива и осмелилась влюбиться. Ее избранник был отцовским учеником, только что вернувшимся с фронта после тяжелого ранения в чине подполковника.

Он, как и все, восхищался Лериной красотой, уважал ее ум и с удовольствием с ней беседовал. То, что она сходила по нему с ума, он или не замечал, или старался не замечать. Но дело потихонечку шло и, может быть, и пришло бы к счастливой развязке, если бы не случай.

Площадкой выше в общей квартире жила некая легкомысленная, но хитрая особа, года на два старше Леры. Особа работала продавщицей в одном из центральных универмагов и считала себя «профессионалом жизни». И вот как-то во время визита подполковника эта самая Леночка забежала за чем-то. Лера в изумлении смотрела на подполковника. Леночка, в подметки ей не годившаяся по красоте и уму, через две минуты заставила смотреть себе в рот не очень молодого, умного и опытного мужчину. Финал понятен: свадебные фанфары и подполковник женат на пустой и хитрой женщине.

Для Леры это был горький урок: ничто, ни красота, ни ум, ни родство душ, не имеют значения в борьбе за любовь по сравнению с неким почти неопределимым свойством. Потом этот способ вести себя, этот неопределимый набор компонент поведения она назовет женским очарованием, обольстительностью и, более общо, обаянием. С тех пор Лера стала работой обаяния. Все для нее потеряло смысл, кроме одного: приобрести это свойство. Это, и только это, ключ к счастью, думала она.

Окончив школу, она поступала в театральное училище, но не поступила. Работала на каких-то временных работах и танцевала в самодеятельном ансамбле. В конце года ухаживала за тяжело заболевшим отцом. Потом смерть отца – об этом Лера сказала как-то между прочим, а я подумала о тогдашних ее чувствах, и мне стало страшно. Затем, постепенно, она стала выступать с пением в ресторанах и даже слегка прославилась. Голос у нее был, в общем, не обработанный. Она сама его постоянно совершенствовала.

Случались какие-то связи, еще какие-то полунесчастные любви. Когда, где проявилось в ней это неотразимое, сверхнормальное обаяние? Какими муками она за него заплатила? Думая о страданиях, через которые прошла Лера, я удивлялась тому, что те не отразились на ее внешности. За обольстительной улыбкой не было видно грусти. Разве что в самой глубине глаз, если очень приглядеться, можно было заметить ее легкую тень.

Итак, Лера мне все это рассказала, я ее выслушала, и мы расстались надолго, до вечера. К тому моменту я уже сдала госэкзамены и была какое-то время свободна.

Днем мне позвонил Гриша. Вечер у меня оказался свободным (Лера поет в ресторане), и я позвала его в гости. О Лере я ему не рассказывала. Было много сомнительного в ее биографии, а времена были сложные. Кроме того, еще что-то меня останавливало.

Лера ушла в пять, а в шесть явился Гриша. Только мы сели пить чай, как раздался звонок в дверь. Очень удивленная, я открыла дверь и увидела Леру. Она кратко объяснила, что вечер не состоялся и что она вообще не будет больше петь в этом ресторане.

Лера прошла на кухню и в недоумении остановилась. Не могу передать, с каким изумлением смотрел на нее Гриша. Она еще была в длинной цыганской юбке и шали. Распушенные белокурые волосы свободно вились по плечам, и все, что требовалось для цыганского костюма – бусы, мониста, браслеты, было надето. Я стояла просто как истукан. Наконец, немного придя в себя, представила их друг другу. Лера тоже села пить чай. Затем Гриша, к моему удивлению очень смущенно, сказал, что если она цыганка по профессии, то должна уметь гадать. Лера не очень охотно достала карты и погадала ему на картах и по руке. И вот тут-то ему стало просто страшно. Он в каком-то оцепенении сидел на стуле.

Лера, сославшись на головную боль, пошла спать. Мы с Гришей сидели молча. Я чувствовала, что это конец, но старалась не думать об этом. Было очень поздно, когда он ушел. Я просидела на стуле всю ночь.

Рано утром в кухню вышла Лера. Мне показалось, что она тоже не спала. Мы старались не глядеть друг на друга. Лера умылась, сказала, что придет очень поздно, и ушла. Больше я

ее не видела и уже не увижу на этой земле. Через день к вечеру я получила от нее записку: «Наташа, прощай. Не хочу из твоей судьбы делать мою. Лера».

Что случилось в тот день, я позднее узнала от Гриши. Остаток ночи он просидел на лестнице. Утром они встретились, и он уговорил ее пойти к нему. Лера осталась у него до следующего дня. Они рассказали друг другу ужасно много. Лера также сообщила, что вчера вернулась рано, поскольку директор отменил из боязни ее концерт; афишу тоже сняли. Когда она уже уходила, подошел какой-то человек и вручил ей записку следующего содержания: «Лера, узнал о тебе из афиши. Будь обязательно послезавтра там-то и тогда-то. Умоляю. Твой Боря».

– Ты пойдешь? – спросил Гриша.

– Нет, это все в прошлом, – ответила Лера.

Но утром послезавтрашнего дня вдруг сказала, что ей нужно выйти по делам. Он не хотел ее отпускать, но Лера его убедила, что это совсем ненадолго. Поцеловав его, она вышла. Где-то минут через пять Гриша начал сходить с ума – он точно знал: она не вернется. Прошел час. Потом день...

Я узнала через неделю, что Гриша в клинике: у него тяжелый нервный срыв. Перед этим он получил записку: «Люблю. Прощай. Будущего нет».

Через месяц Гришу выписали. Я ходила к нему в больницу, но потом мы перестали встречаться. Лера, разбив три судьбы, не пустила меня на свой путь, не увлекла обманным благополучием обольстительного создания, которое легко всего добывается.

Я осталась на гордом пути одинокого труженика. В дальнейшем я интересовалась судьбой цыганской певицы Валерии Корецкой. Встретившись с Борей, она разделила его судьбу. Он сидел, потом жил на поселении. Там они поженились. Но Валерия вскоре умерла – от какого-то легочного заболевания, как и ее отец.

Дочь Гриши зовут Лера. Его жена находилась целиком под его влиянием и безропотно согласилась на это имя.

Моя жизнь дальше проходила так. Я замкнулась в своем одиночестве и в одиночестве же зализывала свои раны. После университета сначала работала в Музее искусства народов Востока. Это стало для меня откровением. Я гораздо раньше, чем это вошло в моду, увлеклась восточной философией, в частности индийской и китайской, историей и философией восточного искусства. Защитила диссертации. Сначала кандидатскую, потом, в 35 лет, и докторскую. Тоже по философским проблемам китайского и индийского искусства. У меня много монографий, я преподаю в Университете, время от времени меня даже отпускают на международные конференции. Замуж я вышла в 28 лет за своего коллегу искусствоведа. Я к нему всерьез не относилась: в свои тридцать он был совершенным ребенком, не знающим жизни, хотя и чрезвычайно одаренным и эрудированным ученым. Теперь он тоже доктор наук, член-корреспондент Академии наук и прочая, и прочая, и прочая. Мы с ним, что называется, дружили. Он вел со мной бесконечные умные разговоры и меня полюбил за «ум». Я про себя потешалась над ним, хотя и относилась к нему хорошо. Он совершенно не умел обращаться с девушками и вел бы свои умные разговоры до Мафусаиловой бороды, если бы я его не подтолкнула. Как-то я «случайно» поскользнулась, оказалась у него в объятиях, «случайно» его поцеловала, и он тогда что-то пробормотал насчет любви и свадьбы. Я не любила его, но мне было 28 лет, и я хотела замуж. Любить кого-либо я тогда совсем не хотела.

У нас родился сын. Мы назвали его Гришей. Жизнь текла спокойно в нашей совместной «духовной жизни» и в моей хозяйственной. Я не роптала. Я была к этому готова.

А муж мой постепенно вырос. Прошло 12 лет со времени нашей свадьбы, и он достаточно повзрослел, чтобы влюбиться в некую ловкую барышню, лет двадцати семи, его аспирантку. Нельзя сказать, что я не была уязвлена, но особых страданий не испытывала. Мы разошлись довольно мирно. Сын остался со мной. Лет через пять мой муж снова развелся. Новой жене он был нужен только как ступенька в ее дальнейшей карьере. Теперь она жена модного

кинорежиссера с кучей денег. Зато мой бывший муж сейчас уже вполне себе взрослый, разбирающийся в жизни, хотя и несколько замкнутый человек. Ко мне он питает добрые, а в последнее время даже слишком добрые, чувства.

Я же после развода вдруг вспомнила, что я женщина. Боль моя к тому времени почти прошла, я уже не топила ее с такой яростью в занятиях наукой. Я вдруг стала легкомысленной. Внешне я хорошо сохранилась, и общественное положение «докториссы» наук тоже кое-кого привлекает. У меня образовалось много поклонников, частично я их находила сама. В общем, я весело провела свои последние семь лет, что восполнило недостаток мужского внимания в молодости. И вот теперь, после вчерашней встречи, этот угар последних лет вдруг схлынул. Я вспомнила свою любовь к Грише, свою любовь к Лере, их любовь.

Лера, Лера! Разве ты была права? Ты погубила себя, чтобы я была счастливее, чем ты. Разве для такой судьбы ты меня спасала? Что важнее: наши довольно призрачные труды или столь же быстролетное очарование и счастье влюбленности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.